

Анатолий Маляров

Антрепренёр

Лицедеев и блудниц — не трогать!

Средневековый завоеватель.

Глава 1

Вначале эта пара предложила свои услуги музыкальному театру. За ручки вошла в обитый деревом кабинет директора Ильи Ильича Поды, оба не сели на едва заметный и машинальный жест хозяина: стоя лучше покажешься.

— Я — Дарий Сергеевич Шалый. Это Эмма. Для отчества — слишком молодая...

Двадцатипятилетний мужчина, выношенный пригожей родительницей, явно не голодавший, пропущенный через спортивный зал, приученный смотреть за собой, а еще — вышколен в светских манерах, все же волновался и клеил шутки загодя. Актерская физиономия выдавала известную долю униженной души. У него, у Дария Шалого, за спиной престижный институт, удачная роль в кино, пять лет жизни в столице... А он из-за проблемы с жильем и ранней, даже опрометчивой, по его

мнению, женитьбы опускается до Дикого поля, просится в захолустный театрик, перелицованный из купеческого собрания или еврейской синагоги. Даже перед красавицей супругой неловко. Все же ушлый молодец разом вошел в роль абитуриента, встряхнулся, гордо откинул кудрявую голову чуть набок, приосанился — вот он, рысак высшей пробы, орловский или там — англазированный скакун с первыми призами.

Эмма стояла на фоне окна и, казалось, ее можно было разглядеть на просвет. Точеная фигурка, вся чистая, воздушная, личико Золушки из последнего акта, ножки и впрямь для хрустальных башмачков, а едва заметные движения — из вальса в паре с принцем крови.

Документы начинающих лицедеев — на резном столе Ильи Ильича были в таком же изысканном порядке, как и сами артисты. Будь эти просители проще, найди директор в ком-нибудь из них малейший изъян, он внутренне согласился бы подписать с ними контракт на сезон, а поморочив и подмяв будущих членов своей труппы под себя, продлил бы срок. Но тут в горле пересохло: «Хватай обеими руками!» — возопил внутренний советник бывалого холостяка Поды. Однако барская привычка возобладала, упрямый одессит в нем выставил рог, и его непослушный голос заурядно молвил:

— Зайдите в кабинет главного, скажите, что я просил прослушать вас. — И даже документы вернул.

Ничего обидного в таком повороте событий молодая пара не узрела — обычная процедура в театре. Однако юная женщина, опиралась о подоконник, вдруг почувствовала, как теплая стенка холодит ладонь. Кровь ударила не только в голову, но и в конечности.

Главный принимал вежливо, с напускной строгостью, но глаза его слегка бегали, каждым вкрадчивым вопросом он пытался угадать, что там предрешил креативный директор. Молодежь переглянулась: понятно, кто в доме хозяин и какова степень зависимости художника от администратора под сими сводами.

Перешли за распахнутый занавес, на подиум с нагромождением вчерашних декораций и кучей музыкальных инструментов на авансцене. Дарий увидел гитару в углу, вздрогнул, расправил плечи, притопнул «левой ножкою правой, правой ножкою левой», и справился:

— Можно начать с цыганской?

— Разумеется. Я бы сам предложил вам спеть и сыграть, если это ваш конек.

Шалый расстегнул пуговицы, выдернул полы рубахи из брюк, метнул штиблеты с ног, гулко прошлепал босиком и ударил по струнам.

*Эх, запрягай-ка, дядя, лошадь,
серую, мохнатую.
А я сяду и поеду,
цыганочку сосватаю!*

Шалунья Эмма выхватила спрятанный в белых, пушистых волосах гребень, воткнула его в темя, рассыпала соломенные, пушистые волосы, растянула во весь размах рук шарфик и пустилась в притоп вокруг вихляющего всем телом супруга.

Потом читали гениев: он — Лермонтова, она — Лину Костенко.

— А вы поете? — спросил главный молодую женщину.

— Так, как Дарик?.. Нет. Собственно, могу, но не для музыкальных премьер... У меня иное амплуа.

— Искренность, достойная похвалы. Обычно претенденты привирают, мол, и пляшу, и пою, могу дискантом, а если вам не хватает мэцо, то я и — мэцо...

Один на один с шефом главный только угадывал мнение об абитуриентах в глазах всесильного руководителя — это был его способ существования, творчества и художественного руководства.

— Ну? — сегодня совсем загадочно промычал

Илья Ильич.

— Она сложена божественно, — начал издали режиссер. — Он поет, танцует. Между собой общаются органично. — Убедившись в теплоте взгляда Поды, режиссер ожил: — Штаны нам очень нужны. Только, по-моему, гонор уродился раньше, чем этот Дарий Шалый. А вот об Эмме...

Уверенные в своем всевластии, хозяева театра слишком долго задержались в кабинете. Полчаса спустя секретарша получила сигнал пригласить заезжих артистов. Девушка, как из табакерки, тут же встала на пороге кабинета и рассеянно сказала:

— Они подождали, потом мужчина говорит: «Видно, мы не ко двору. Извинитесь за нас». И ушли.

Илья Ильич ванькой-встанькой вскочил над столом, пошарил ладонью — бумаг гостей не оказалось. Он грузно затопал по паркету: человек не привык, чтобы кто-то пренебрегал его вниманием, — так внушил всей труппе. Сам он не мог понять, что будоражит все его существо, только чувствовал, что ускользнуло от него нечто важное, большее, чем пригожий, по всему видно, талантливый лицедей с такой красавицей партнершей.

Вечером, в своей холостяцкой квартире, в просторных апартаментах народного артиста, трижды орденоносца, депутата, однокашника и к

тому же закадычного друга министра культуры, Илья Пода передвигал стулья, поддевал тапочками кошку, звенел струей из сифона о стакан... Шумел сорокалетний баловень судьбы один. Мерил все три комнаты не привычными вкрадчивыми шагами, как на людях, но топал демонстративно, стучал полным графином в буфете, включал и выключал телевизор. Понимал, что от него абитуриенты пойдут в драматический театр, к извечному сопернику, про которого у нашего героя сложилось и закоренело недоброе мнение. Видишь ли, десять лет назад, когда его, Поду, несколько спустили с высоких управленцев в директора музыкального театра, того хохла, в обратном порядке, из актеров возвели в художественные руководители драматического театра, да еще с карт-бланшем. Мол, в руки тебе вся колода, от шестерок до тузов, только прерви разруху в коллективе, сделай так, чтобы стосвечная люстра в центре зрительного зала не рухнула на головы зрителей, побели хоть изнутри стены. Денег мы тебе не дадим, помогать будем только советами. А этот парвеню в советах никогда не нуждался. Владел своим умишком и — непостижимо споро... Нет, Поду зазнобило не только это, но и другое. Почему столь культурная с виду, со светскими замашками пара не дождалась мнения художественного совета, главное же — его, удельного князька приговора? Не дорожит

молодежь местом в труппе и жилплощадью, которую Илья Ильич, благодаря крепкой связи с министерством и отцами города, сразу предоставлял каждому, кого избирал себе в пассии? Нет, не это. Так что же?

Уснул маэстро поздно и как-то сразу, без обычной ванны, забыв о по-женски тщательном уходе за лицом, за редящей прической, без нюханий подмышек и рассматриваний последнего альбома культуристов, без перечня на сон грядущий прошлых своих побед и бед... Сон выпал черт те какой! Не сон — черты воспоминаний, которые втиралось в подсознание всякий раз, когда перед глазами вставал новый объект вожделения.

Лето после третьего класса в глухой бабушкиной деревне. Сенокос, ветхие конюшни, попытка верховой езды. Новое впечатление — спаривание квелых упряжных кобыл с ухоженным, вскормленным кашицей из отрубей и битых яиц племенным жеребцом. Восторги дебелого конюшего, хлопавшего шапкой о земь: «Вот аппарат у Буяна — третью матку кряду покрыл!»

Потом шалости местных сорванцов: За неимением городских каруселей да спортплощадок, недоростки следовали матушке природе. Один изображал племенного жеребца, а другой загулявшую кобылку. Пацаны своего круга сплошь корчили из себя племенных жеребчиков и на

четвереньки все чаще, а потом привычно — ставили заезжего и слабого Илюшу, топтали сзади, ржали. Тощими ягодичками он ощущал окостеневшие детские пенисы. Странно, но с третьего-пятого захода Илюше понравилось занимать позу согбенной худой матки. Раскрасневшиеся жеребчики из хат под стрехами становились с ним все обходительней, защищали друг от дружки. В душе он кичился своим исключительным положением, тонко ржал, гикал, подражая Савраске или Рыжухе и вертел тазом.

В другие дни шалости заходили дальше. Ватага увидела за копной сена оправлявшегося конюха Шлойме и обратила внимание на его обрезанный детородный орган. Кому-то в голову взбрело, что голый конец придаст больше важности подростку, сразу сделает его мужчиной — им бы каждому такой. Нашли нитки, с трудом закатали себе кожицу на крохотных отростках и подвязали довольно туго. Величались друг перед дружкой целый день. На другое утро кончики вспухли, налились синей кровью, стали зудеть и болеть. Деревенские жеребчики пошли по старшим подросткам искать совета, а чужак Илюша затаился. Долго не находил, как избавиться от прелестей «как у деда Шлойме». Дошло до того, что вечером стало Илюше невмоготу, не смог пописать и в углу, над помойкой, расплакался. Явилась бабушка, пришла в

отчаянии он открылся. Внучек говорил не всю правду, неуклюже врал, мол, нечаянно дернул нитку из трусов и — заскочила петля...

Бабушка портняжными ножницами спасла заблудшего ягненка. Но уроков не читала, как-то подчеркнуто походя, в ряду иных кухонных забот, проделала операцию, поспешно отвернувшись к печке, даже не поругала. И это было самое ужасное. Илюше сдалось, что он переступил за все дозволенные пределы: отругать или отодрать и то погнушались, видимо, праведным людям якшаться с ним — бесполезное дело... Мальчишке с тех пор стало стыдно всех и вся, особенно баб, женщин и девчонок. Говорить на скользкие темы и шутя-любя забавляться мог только с проказниками-сверстниками, которые его уже совсем перевели в кобылки. Три дня кряду он клянчил: бабуся, отправь домой. А уехав, остался душой с шалунами у конюшни, в воспоминаниях и в нередких снах о них..

Еще в полудреме повторялась и повторялась страница из прочитанной в подростках средневековой книжки: «Что есть жена? Сеть, дьяволом сотворенная. Прельщает лестью, светлым лицом, высокими очами поводит, ланиты складает, языком поет, гласом скверное глаголет, злыми делами обаяет, многих язвит и губит. Что есть злая жена? Источник злобы, смертоносная беседа,

душам пагуба, хоругвь адова»...

И совсем другое — попутчик в санатории, инструктор по плаванию, с которым, по счастливой случайности, родители отправили подросткового тринадцатилетнего Илюшу на отдых. В купе, до ночи приличный, опрятный, молодой человек, наверное, студент, без матерных слов рассказывал истории из жизни тинейджеров и начинающих юношей, угощал цветными пирожными, поил цветными водами. На ночь поднял довольно длинного подростка на руках, уложил на верхнюю полку, нежно подоткнул простыню, стоя долго рассказывал о пляже, ваннах, о массаже: точечном, японском, пиктусионном... похохатывая и совсем тихо, на ушко, заговорщически назвал еще странные массажи — оральный и анальный. И долго не пояснял, лишь намекал, что оно такое. А намеки впечатляют куда сильнее откровенных слов, чувствуешь и видишь куда больше сказанного. Это сызмальства уловил будущий служитель муз. На море молодой мужчина не отлучался от Илюши, учил плавать, после воды мокрыми и дрожащими, вроде бы от холода руками, переодевал подростка в сухие плавки, шая, восхищался его еще детским интимным хозяйством, даже трогал ладошкой, чем вызывал стыд и радость одновременно, даже заметное возбуждение. Перед отбоем провожал подопечного к его палатке, шутя обнимал и

целовал. И лучшего друга даже выдумать было трудно. Как-то на отшибе, за выступом скалы, вдали от посторонних глаз наставник преподавал Илюше французскую борьбу. Поддавался слабаку, шутил, веселил. Потом вдруг умолкал, лицо его каменело и он подолгу удерживал парнишку на себе, странно протаскивая его тело по своему — вверх и вниз, все ускоряя.

Илюша стыдился своего возбужденного члена, пытался соскользнуть и не решался, хорошо было. Успокоился, только когда убедился, что и партнер исходит желанием.

Тайная дружба развивалась. И больно прервалась посредине каникул. Приехал отец и забрал Илюшу на какие-то родственные праздники. Парнишка даже всплакнул на прощанье. А наставник едва скрывал раздражение, уговаривал, умолял родителя оставить «ребенка» еще на недельку. Увы!..

Сон Ильи Ильича рассеивался, являлась трезвая полудрема, потом обычное забытьё холостяка и деятеля, то есть полуобморочные минуты, когда ему из подсознания приходят самые выгодные деловые или творческие мысли. Иногда являются отделанные строки, в прозе и стихах. Сю ночь — такие:

Мне снится, что мне не спится,

*что рядом тоска ложится.
А на окоеме — ты.
Меж нами горят мосты.
И радужная кривая
сочится от ада до рая.
А я, не во сне — наяву,
обратно тебя зову.*

Илья Ильич еще в полузабытьи решает разбудить себя. Это же помрачение сознания — эдак мужик, признающий только доклады, реляции, панегирики в тайне уже который год заделывается поэтом! Потянулся к шкафу, нащупал блокнот, в котором пряталось много ночных лирических откровений, которые потом, стыдясь и перешучиваясь, он показывал признанным мастерам стиха. Нашарил перо, записал две шальные строфы, машинально достал короб с таблетками, принял снотворное, уснул без воспоминаний и сновидений.

Глава 2

Назавтра Шалые, Дарий и Эмма, явились в респектабельное, с размахом и специально для театра выстроенное здание. Архитектура периода второй совковой пятилетки, то есть, подобие древнегреческой роскоши. Молодые люди

осмотрели фасад с ионическими колоннами, броскую рекламу, — театральную, коммерческую, черт знает какую, лишь бы копейка в кассу. Яркие панно, фальшивые горельефы рядом с античными музами в нишах готического стиля. Все подсвечено естественно, с подсолнечной стороны, высокие двери под мореный дуб.

— Вкус и траченную копеечку нюхом чую, — ввернул разыгравшийся Дарий. В полутемном фойе дамочка-администратор спросила незнакомцев, кто они и зачем, и тут же провела по службам, прихвастнув недавним капитальным ремонтом и заботой руководства, как об коллективе, так и о зрителях. В совсем темный актовый зал гостей ввела помощница режиссера и шепнула:

— Полковник заканчивает репетицию, тут с вами и поговорит.

Молодые люди переглянулись: полковник? Они знали, что в задымленном Днепродзержинске директором театра долго служил отставной полковник из ментов. Но чтобы режиссировать спектакли крупнейшего на юге, не частного, но государственного коллектива доверили солдафону-увольте! Надо бежать отсюда...

В лучах софитов парень в цветной косоворотке насилывал гитару и устало пел, детонируя и сопя:

*Выйду я на улицу, гляну на село,
Девки гуляют, и мне весело...*

— Стоп, стоп! — хриповато и в то же время зычно обрывал певца рослый мужчина, опираясь обеими руками на обивку заглушенной оркестровой ямы. — Леня, ты на авансцене или все-таки на деревенской улице времен Островского? Ты видишь девок? Тебе весело?

Фонари освещали и режиссера, то есть, полковника, он таков: довольно рано нажил душевную и плотскую солидность, лет тридцати пяти атлет с подрагивающими кистями рук в такт звучащей где-то наверху музыке. Лицо живое, искрящееся ментальной хохлацкой насмешкой, под глазами оттиск ненадежных почек: пьет ли, курит ли излишне, трудно догадаться. К тому же новобранцам на раздумья времени не отпущено. Режиссер-полковник, он же Антон Романович Николко, на каблучке повернулся к гостям, представился и поразил полной осведомленностью:

— Дарий Сергеевич и Эмма Георгиевна Шалые? Очень приятно, — сказал он без запинки и подал руку Дарию, а Эмме издали поклонился с эдаким чертиком, пробежавшим по всей физиономии и скрывшемся за левым плечом. Молодой человек принял протянутую руку и на вдохе спросил:

— Откуда сведения?

— Агентура, — не то шутя, не то бравируя, отозвался директор-худрук.

— Всего два театра в городе и такая конкуренция?

— Холодная война.

— Погубите друг друга.

— Вражда стимулирует деяния. Читайте Кляузевца. Это тот немец, что предупреждал: если не хотите кормить свою армию, будете кормить чужую. Как генерал, он говорил о солдатах, но мысль относится и к театрам.

— Я читал в основном Станиславского.

— И я зубрил старого мастера, но всякая школа хороша, если ее своевременно заменяешь своей. Иначе — катись в штамповочный цех. — Этот Николко был явно счастливым человеком. Днем он что-то умел хорошо делать, ночью его умело любила женщина, потому в голову его приходили удачные мысли. А из всей его стати била здоровая энергия. — Уточняю, мы с вами птенцы одного гнезда, только выводки разные, отстоим друг от друга эдак лет на десять-двенадцать.

— А до чина полковника вы когда успели дослужиться? — Дарий пробовал парировать осведомленность нагловатого худрука собственной наглостью.

Но того не смутишь и вопросами похлеще. Он притерпелся к подвохам и готов к ним постоянно.

— В один день. Захмелевшие от свободы, разумеется, и от «оковитой» казаки присвоили мне чин на своем ковше, а я не привык отказываться от даяний, ибо всякое даяние — благо. Коллективчик у меня ядовитый, разом забыл мое исконное звание, обзывает по-казацки. — И тут же легонько хлопнул себя по лбу: — Поскольку мы однокашники, не будем церемониться. Берите гитару у Лени-молодца и выходите на улицу, гляньте на село.

— А если я не пою? — Это Дарий.

— Не поете ничего, кроме «Запрягай-ка, дядя, лошадь»?

— Ну, сети шпионажа у вас! С режиссерами спорить — себе дороже...

Дарий с малой долей презрения к провинциальным подмосткам шагнул под фонари, попробовал струны на звук, ударил песню. Это был задор, бравада, что-то от удалого ямщика или подвыпившего приказчика. Голос у парня, понятно, — для хорошей оперетты.

Откуда-то появился милицейский свисток, Антон Романович тихо подул в него — на сцену вышло полтора десятка исполнителей и помощница режиссера.

— На завтра та же первая картина, в костюмах. Попробуем нового героя. Артисты

свободны. — И к помощнице: — Катя, проводи молодую пару в комнату для гостей, за наш счет накорми. А я пока распоряжусь временно устроить их в студенческом общежитии..

Дарий Шалый поднял руку:

— Антон Романович, а договор... контракт?

— Ты, лихой казак и однокашник, отдохнешь до завтра, на репетиции присмотришься к нашему ковшу. Может, тебе не подойдет мой пеший да охочекомонный ковш.

Эмма держалась в тени кулис, не сводила глаз с говорливого человека. Облаченный двойной властью в коллективе, где режиссер — бог, царь и воинский начальник, а директор и худрук в одном лице — тем более, он не носил на плечах груз номенклатурной власти. Свой парень, иначе не скажешь. Управляет людьми не должность, а воля, ясность и простота характера. Стоит в этой житейской сцене так, что лучше никакой дотошный режиссер и не поставит, говорит то, что под силу сказать только драматургу с изобретательным диалогом. В тоне, в манере держаться и слушать — открытость и, вместе с тем, загадка. Интересно, как работается актерам у него в спектаклях?

Из затянувшихся размышлений молодую женщину вывел новый хлопок ладони по директорскому челу. Мизансцена менялась, к ней вплотную подходил Антон Романович.

— К Эмме Георгиевне у меня просьба. Вы поешьте в гостевой и — прошу со мной в короткий вояж по весьма выгодному для театра делу. Если, разумеется, не возражаете.

— А завтра нельзя?

— До завтра могут уплыть тринадцать тысяч гривен, а то и вдвое больше.

... За рулем сам директор, он же художественный руководитель. Дама справа — свеженькая и прозрачная Эмма, вся внимание. Играя тренированными мышцами лица, возница рассказывает:

— В начале актерской карьеры я не мог прокормить семью, приходилось подрабатывать осветителем и водителем театрального автобуса... Однако самая доходная должность в заведении искусств — борзовик. Знаете: язык через плечо и — по градам и весям с кипой билетов подмышкой?

— Вы кончали актерский факультет?

— У Быковца. При нашем выпуске да и при вас, наверное, еще бытует песенка: «Чему научит бык овец, тому научит Быковец»?

— Теперь мы понимаем, напраслину пели на маэстро в капустниках.

— Я у него кантовался всего четыре года, и научил он меня главному...

Молодая женщина повернулась к водителю всем телом и вопросительно округлила глаза. Ее и

впрямь интересовало, что, по мнению этого острого на язык и себе на уме аборигена, есть главное в жизни артиста.

— Старик учил человечности. Кто усвоил его уроки, тот не пропадет.

— Потому вы и директор, и режиссер и актер?

— В провинции и Фома человек.

Он нажал на слово «провинция» и Эмма покраснела — ее мысль прочитана. Новый прилив откровений заштриховал ее смущение:

— Перед вами — Фома, а еще казачий полковник, прораб-строитель и, как до вас уже дошло, всеобщий друг...

— Не знала. Да и откуда до нас могло дойти так много и сразу? Мы всего-то два дня в вашем городе.

— А от моих помощников, они стараются. Каждый джура убежден: чем больше славы у его гетмана, тем больше зрителей в зале и премиальных в кармане джуры. Театр!

— Признаюсь, прежде чем пуститься к вам, я прочитала все, все, что могла найти о вашем театре. В том числе и панегирики о вас.

— И поняли, что дальновидный антрепренер сердечно дружит с рецензентами через гастроном?

— А те не зря пьют вашу горилку и не скупаются на положительную информацию. Наверное, врут. В наше грозное время художник

сцены собственноручно перестроил свой театр. Кабинеты с оргтехникой — писк моды. Грим-уборные теплые да с душевыми, зрительный зал сплошь на коврах и с мягкой мебелью. К тому же, говорят, зарплату вы даже в кризис не задерживали. Да-а...

— Врут, что перестраивал своими руками. И серое вещество и горб, и порушенную свою психику, — скромные ресурсы напрягал. Но не только свои ресурсы...

Оба говорили легко, с приятцей и как бы подтрунивая друг над дружкой. Молодой женщине хотелось ехать долго-долго и сообщать только ожидаемое собеседником... При демократии у людей с рабской психологией разрастается жажда всегда поносить руководителей, полагая, что они все ворюги двужилые, опасные для смерда, а более — для интеллигента, что они обеспечены сверх меры и защищены от превратностей жизни и правосудия. Эмма же придерживалась мнения, что любой вожак — только человек, скажем, ведущая лайка в упряжке. Хлысты и лишения им достаются первым. только понимание, что на них смотрит вся вверенная им свора и острое чувство ответственности принуждают жоака, сытно ли, голодно ли, но — держать себя в шлее. А самые умные удивляют ведомых тем, что избегают, поелику могут, хотя бы половины из семи

смертных грехов. Втайне придерживаются заповедей Исхода. Тем часто и непонятны Ваньке да Маньке, тем и настораживают... Эмме спохватилась:, она излишне задумалась и может показаться скучной спутницей. Тут из нее прянуло искренне чувство, даже с повлажневшими глазами:

— Как вы ухитряетесь и шатер латать и табор в узде держать?

— В годы социально активных, веселых и находчивых ловкачей мы стараемся быть сверх активными, всех веселее и находчивей. К тому же нам открылась истина: в годы шулеров и проходимцев выгодно держаться поближе к чести. То есть — рыльце подальше от пушка! И во всю пользоваться тем, что тебе дано. Станно, но порядочность иногда приносит дивиденды. Житуха учит.

Как только белый «жигуль» выпростался из городских переулков и покатил по загородному шоссе, разговорчивый Николко пересказал один из своих многочисленных житейских уроков:

— Двенадцать лет назад, когда я сидел на борзе, театр гастролировал на Кубани. Дневное пропитание добывали с трудом. Перед нами в Краснодаре гастролировали два московских театра — Мамай прошел, саранча пролетела — ни интереса к периферийным звездам, ни пятака в протянутую руку. Прослышал я о роскошном

конезаводе в ста километрах от Краснодара. Пустился я потрошить казацкую глубинку. В жару и голод добрался к директору лошадей. На конце языка заготовлен спич, мол, привезем вам искусство, классический репертуар, только дайте денег. В огромном, уставленном фигурами скакунов и жокеев, кабинете из-за стола-ипподрома поднялся старый-престарый коневод и конокрад, поди, времен Куприна, и с обильной слюной выдохнул: «Ты один приехал?» «А кто еще? Коллектив с декорациями явится по подписании договора». Дедуля отмахнулся, словно саблей, и прорычал: «Катись, недотепа, и чтоб ноги твоей у меня больше не было!» Уже за воротами, прямо с седла пожилой конник пояснил мне: «К Чапаю без смазливой артисточки гастролеры не являются. Он уже не жеребец, но пустить слюни да потыкать пальцем в тугие бока красавицы охоч. А ты не догадался.»

Теперь у меня с владельцами заводов, земель и пароходов свой формат встреч. Я, словно хороший хозяин в новое жилье кошку, перед собой всегда впускаю молодайку. Школа жизни: нас поимеют... ох, простите — поморочат, и мы не лыком шиты. Простите еще раз.

— В такой формат вы сегодня вписываете и меня?

— Догадлива! Сейчас подъедем к замку

вельможи, владельцу земель, элеваторов, причалов и пароходов. Я замешкаюсь у машины, а ты вступи первая, постарайся сильно понравиться старику. Твой экспромт давай-ка отрепетируем. Текст таков...

Пришла минута Эммы: теперь она поразила бывалого лицедея:

— Не надо. У меня в арсенале есть подходящий этюд без текста. А явление «те же и Антон Романович» — позже и только после моего номера и по моему сигналу.

— Потерплю. Но если провалишь затею, тринадцать тысяч — тью-тью!

— Провалю — обратно пойду пешком. В общем, пока покурите.

— Я не курящий.

— Гм! А я хотела стрельнуть у вас.

— Заруби себе на твоём очаровательном носике, я штрафую каждого, кто закурит в театре.

— У вас театр или зона?

— Запорожская сечь. Курим только, если роль того требует на сцене.

Вслепую, словно в давно объезженном салоне, Эмма выхватила из бардачка цветной буклет с названием премьеры на обложке и выскользнула наружу.

Порог в десять ступеней, стрельчатая дверь в два роста баскетболиста, коридор, похожий на

спринтерский зал, приемная в тридцать квадратных аршин с ряженой под Марусю Чурай секретаршей за компьютером, После молчаливой просьбы и минутного топтания — кабинет помещика и спекулянта, пожалуй, в сорок квадратных аршин. Ну и зажрались аграрии в Дикой степи! Хозяин уставился в окно и тискал трубку телефона у правого уха. За спину отмахнулся корчеватой кистью: садись, мол.

Молодая женщина стояла, вспоминала, что за имя-отчество написано на двери и улыбалась — не понадобится.

Бросив трубку, крупный воротила увидел перед собой девочку, изящную, светловолосую, с овальным, несколько кукольным личиком и огромными голубыми глазами Мальвины. Легкое, прямо светящееся платье облегало вытянутый, рукой ваятеля очерченный стан, похоже, с экрана телевизора, что голубел тут же во всю стену напротив безмерного стола.

— Са-садитесь, — сухо глотнув, прогудел старый ловелас. — Кто вы и чем могу служить?

Женщина красиво изогнула кисть, ткнула себя в глубокую ложбинку между чуть-чуть приоткрытых грудок, потом встряхнула приподнятой кистью, немо начертила звук «э», далее — «м», повторила жест и, опустив два пальца с перепонкой третьего — пальца другой руки,

обозначила звук «а». При этом ее полудетская физиономия отчетливо изобразила гримасу плача и тут же — сардонического хохота, мол, театральные маски — трагедия и комедия — я оттуда. Глаза хозяина кабинета увеличились вдвое.

— Не понял. Кто вы и с чем вы пришли? У вас смех и слезы? У меня тут каждый день смех и слезы.

Дальше пошла вереница торопливых жестов. Глухонемой легко бы прочел: я администратор театра, приглашаю вас на спектакли. Но помещик имел слух шакала и голос изюбра.

— Вы пришли за помощью? — И, сбитый с толку, полез в карман, достал бумажник, распахнул его там, где теснились зеленые купюры.

Эмма тяжело и гулко задышала, отрицательно закачалась всем телом, а когда он настаивал, всплакнула обильными слезами.

— Я прошу прощения. Вы того?... Извините. Может, напишете? Вот бумага, ручка. Присядьте к столу.

Молодая женщина находчиво прошлась к подоконнику, чтобы показать себя сзади, положила свою крохотную сумочку и подсела к начальнику. Написала: «Я уполномоченная по организации культурных мероприятий для тружеников села. Предлагаю вашим хлебобобам необычный праздник...»

Хозяин кабинет поспешно читал, пока гостья писала, не утерпел и вздохнул:

— И вы... в вашем положении... вынуждены... на такой работе?

Она тут же написала: «А где теперь найдешь лучше? Кризис!»

Боже, как она хороша и как страдает! Ей бы в артистки, на экран бы!..

— Ну и чем я могу услужить вам? — совсем размякнув, спросил богач.

На листе появилось: «Сделайте счастливыми свои коллективы в подведомственных вам элеваторах, портах, селах!»

— Да, да, да, — согласно, чтобы скорее избавиться от мучений и юную женщину и себя, кивал помещик. — такая красавица и — такой недуг. Бедненькая!

Эмма положила перед ним буклет с заглавием премьеры и датами спектаклей на цветной обложке.

— Я подумывал, да все недосуг было встретиться с вашим директором...

«Вы согласны? Благодарю вас! Мой шеф на подходе» — появилось на листе.

Эмма обеими руками искушающее коснулась руки помещика, размахивая рукавами и полами юбки, красиво повертелась, как бы ища выход, и юркнула в приотворенную дверь.

Через минуту, пока не остыл кабинет, туда

вошел Антон Романович.

...Обратная дорога была полна пересказов всего, что завертелось сейчас, и хохота. Она повторяла, как при встрече в приемной резко ткнула своим кулачком в бок худрука, чтобы тот понял и включился в игру; как сделала ему серию жестов из азбуки глухонемых. А Николко хвастался своей сообразительностью: как на глазах у богача начал отвечать ей на пальцах, корча из себя давнего и привыкшего к общению с немой сотрудницей. Миллионер даже побледнел, приняв и директора за него. Но тут последовало объяснение: «С таким моим персоналом и по канату пойдешь, не то что поймешь и заговоришь ее жестами! Держу ее в штате исключительно за красоту и доступность.»

Взаимопонимание между новыми сотрудниками расцветало, однако закурить Эмме в салоне суровый Николко не позволил:

— Ты хрустальная девочка. Ни одна живая душа, взглянув на тебя, не скажет, что ты куришь.

— Я еще и пью.

— Что пьешь?

— Все, что в данный момент позволяют средства.

— До чего же бывает обманчива внешность!

Поди знай, что из сказанного этой плутовкой правда! И по этому поводу — дружный хохот.

Глава 3

Дарий долго ходил по опустевшей сцене, зачем-то поднялся в голубой зал и принялся рассматривать свое лицо в зеркала: все на месте, черты не утратили верности и свежести, брови вразлет, кожа на щеках не по-мужски нежная, если оскалишься, зубами залюбуются даже за бугром протезированные подстарки. А рост! Не слишком высокий, но и не средний, Комплекция малыми трудами с гантелями подогнана под развитую. Настроение ровное, душе комфортно и, как шутил малороссийский классик: не холодно, не жарко, но аккуратно, как в «серяках». Дарий помычал, прочищая сонорные каналы, как в институте перед занятиями по сценической речи, проорал обычное «Ми-мэ-ма!», обновляя лужоную глотку и подумал:

«За какие же тугрики стоит продаваться эдакому ловчему из провинции?»

Мимо проходил актер, которого он видел на подмостках.

— Дружище, сколько у вас выгребают артисты по первому году?

— Я пока — косяк. Через пару сезонов — повышение тарификации.

— А если с некоторым опытом? Скажем, в художественном кино?

— Не знаю. Я прямо из фестиваля любителей.

И прошел в открытую дверь, постучал каблучками по лестнице вниз. Этот счастлив, что вырвался из своего завода или, хуже, из райцентра. А я? Я со специальным образованием, с опытом в кино, с голосом и при инструменте?! Нет, бежать, бежать отсюда! Только вот некуда? Даже сегодня пожрать и переспать с Эмкой негде.

Спустился по тем же ступенькам, по которым легко топал только что счастливчик из деревни. Вышел на воздух, под колоннами достал пачку, обнаружил, что сигарета в ней последняя. Зажигалка не подавала признаков жизни. Дарий шагнул к стоявшей у бордюра легковушке: «Волга», но обновленная, с двигателем с иномарки и со всякими прибабасами в салоне.

— Можно прикурить?

— Садитесь рядом. — Водитель наклонился и толкнул правую дверцу.

— Вы?

— Узнали?

— Даже имя-отчество помню. Илья Ильич.

И правда — Пода. Наверное, соперники по ремеслу при необходимости навещают друг друга. Шалый уместился рядом, хозяин машины открыл бардачок, в нем торчал набор дорогих и гостеприимно початых пачек:

— Выбирайте себе по вкусу. Вашу убогенькую самокрутку бросьте в пепельницу. Она

для курящей массовки и кордебалета. — И лоснящийся смущением Пода с уютным и каким-то интимным сипением в голосе, даже сильно постарайся актер Шалый — нарочно не получится, — добавил:

— Вам приличествует курить «Кемел», то, что в моем театре — для ампула первых любовников.

— Спасибо.

— Я не курю, но вам дозволено в салоне. Это одно из многочисленных различий в натурах Поды и Николко.

— Собственно, я благодарю вас и могу идти своей дорогой.

— Вы уже определились... с дорогой?

Дарий заглох, затянулся сладким дымом и вдруг спросил:

— Что у вас получает артист по первому году?

— Заурядный — вдвое больше, чем в этом...драматическом. Мы ведь — академический театр.

— Да?!

— Не удивляйтесь. Академический и не из заурядных.

— А если человек снимался в кино, поет, знаком с музыкальными инструментами?..

— ...видный из себя и с темпераментом через рампу? — продолжил директор и мило улыбнулся

совсем близко от лица Шалого.

— И на что же этот клиент может рассчитывать?..

— Зависит от того, как он подойдет руководству.

Этот Пода слегка нервировал актера: так покупают собаку или нанимают домработницу. И под ионическими колоннами теперь он явился, чтобы перехватить Шалого и поторговаться — ясно...

— То есть, тyani лямку и не мычи? — шепотом рыкнул Шалый.

— «Не мычи» это как понимать. Дельные мысли у нас ценятся.

— «Дельные» это какие? Из тех, что уже бытуют в голове режиссуры, те, что по силам начальству, или новые?

— У-у, артист ершистого амплуа!

— Какого уродил Быковец. Знаете такого?

— Есть у меня его последыши, воюем. Впрочем, спустимся к реке, там приличное кафе, перекусим.

И, не ожидая ответа, Пода включил двигатель. Он сегодня был, на редкость, терпеливым. Некто вроде кошки в засаде у голубятни.

Машина бесшумно скатилась в зеленый тупик над рекой. Справа, в нише из сплетающихся ветвей лиственниц стоял резной трактир с короной над

дверью и коротким названием «Царек». Из-под земли вынырнул «половой» в посконной рубахе, с перекинутым через руку полотенцем.

— Мы заждались вас, Илья Ильич! Редкий гость!

Из чащи явился парнишка в модном, с позуменгами, комбинезоне, открыл дверь перед важным водителем, а выпустив того и повременив, пока ступит на асфальт пассажир, сам сел за руль и молча угнал машину на стоянку.

Дарий, про себя, назвал Поду царьком, так удивила его обслуга, расшаркивающаяся перед провинциальным, к тому же государственным антрепренером. Поверил, что в столице у Ильича, среди самых зарвавшихся олигархов и, впрямь, живет волосатая рука.

Интерьер трактира состоял из грота с крохотным водопадом в глубине зала, из живописных подсветов, резных столиков; в узком провале стены с кристаллической отделкой торчала голова бармена. В этой обители из русской сказки тихо разливалась старая украинская мелодия.

Оба гостя молчали. По щучьему велению перед ними накрывал стол все тот же щеголеватый половой. У двери стояла вахта, не то живая, не то муляжи, в затененном углу у клавиесина сидел тапер. Весь штат — из миловидных молодых мужчин! И в провинции жируют, — думал

Дарий. — Меня привлекают на раз или к этой роскоши можно приклеится насовсем.

— Коньяк, вино? — спросил лоснящийся царек.

Выпили по рюмке, Дарий слегка отдышался и пошутил:

— А потом стриптиз?

Илья Ильич твердо разъяснил:

— Слабого пола здесь не бывает. Знаете, как женщин не бывает на боевом корабле...

— Без них скучно.

— Без них чище.

После третьей рюмки актер совсем обнаглел и, пронизывая взглядом всемогущего директора, народного артиста и местного царька, сказал:

— Это же надо! В юности какая-то вумен сильно вас переехала...

На что все так же смущенный и, вместе с тем весомый Пода ответил:

— Каждый сильный мужик, из тех, что и дело может поставить, и на политику повлиять и денег заработать... как выражаются наши аборигены: каждый титан имеет изъян. Впрочем, автор сего экспромта перед вами. Роковым изъяном, для ясности, одарен и ваш покорный слуга.

При последнем слове Илья Ильич мягко положил свою тонкую кисть на тренированную руку Шалого. Тот, по актерской привычке, прежде

чем убрать свою, задержался, понять бы, какая тут сверхзадача, по учителю Станиславскому.

— Моей Эмме я этого не скажу, — совершенно не по смыслу ляпнул он с нарочито глупым смешком.

— Вашей уважаемой Эмме вы скажете, что я хотел бы поговорить с ней в рабочем кабинете. Убедить бы ее, чтобы она убедила вас вернуться в музыкальный. Я понятно выражаюсь?

После следующей рюмки, не находя иной темы, Дарий спросил:

— Вашему ансамблю больше подходит Эмма или я?

Илья Ильич излишне закатил глаза, слегка вздохнул и, что-то важное скрывая, прошептал:

— Главные вопросы умные люди решают через женщин.

— И что для нас сегодня можно считать главным вопросом?

— Ну хотя бы сравнительный анализ бытия двух театров.

— То есть, вашего, музыкального, и драматического, некоего Антона Романовича?

— Хотя бы. В драматическом театре прибывшегося актера, даже семейного, ждет арендованная комната в общежитии университета, ставка до тысячи гривен. Первая роль — одного из семи сидящих на заборе со словами «эх-эх-эх». А у

меня, при широком взаимопонимании, ну, творческом и этическом... ему обеспечена дебютная роль, из ведущих, подобранная именно для сего исполнителя. В вашем случае это вокал, выигрышные тексты и костюмы... При удачном показе и других показателях — квартира не за горами. А там, — царек снова накрыл руку Дария. — Там в короткие годы — почетное звание...

— А если душа рвется в обжитую и любимую со студенческих лет столицу?

Илья Ильич пожевал свою застенчивую улыбку, поднял одну бровь, потом вторую, похихикал:

— Ради Бога! Однако в столице спрос на опыт, нужна креативность. Сильно помогают пробиться в столицу побрякушки на груди и приставки к имени. И это со временем — в наших руках.

Шалый забыл освободить свою кисть, даже тепло почувствовал от щедрой ладони и закивал головой, как дурак.

— Сравнили, проанализировали. Теперь я повторно должен предложить вам свои творческие услуги?

— Мои карты на столе. Ваши я видел... и вижу.

— Сколько дней мне на размышление?

— Столько, сколько у вас хватит сил обитать в лачуге с грохотом за стенкой и по коридорам, и жить на медные гроши. То есть, пребывать в иной цивилизации.

— В вашем городе — две цивилизации?

— Как и в столице. Как и во все времена.

— За что боролись отцы и деды!

— Боролись и борются. Только все парламентские прения, перевороты, революции — театр. Большой, на целую страну театр. Мудрые понимают, что любые катаклизмы кончатся одним исходом... Он сформулирован в простейшей русской поговорке: кто смел, тот два съел.

— В нашем мире нам должно быть смелыми?

— Вам...

Дарию пришли на ум слова старого художника над заумным эскизом: дело — говно, его надо разжевать...

Ударил казацкую пляску мобильный телефон. Шалый подумал: святых выноси, этот иудей, карьерист и русофил даже тут обставил себя непорочным имиджем хохла! А Пода достал из заднего кармана своего жакета — подобия фрака — плоский аппарат и несколько секунд слушал. В эти полминуты на лице его возникла плаксивая мина капризного ребенка, холеная ручка директора затрепетала над столом и ноющий, высокий голос его виновато и, в то же время, властно прокричал в

микрофон:

— Мед, яйца, крупы, — весь груз от спонсоров поделить поровну, что главному режиссеру, что последнему в кордебалете, даже артисту-первогодку, взятому с улицы. Анастасий Иванович, у вас плохая память или нет собственного ума? И то и другое меня не устраивает. Если я по всякому пустяку буду повторять по три раза свои распоряжения, у меня не хватит времени на важные проблемы. Да, да, или... или подыскивайте другое место для себя. Связь окончена.

Дарий встал на ноги, ряженный половой тут же потянулся к нему. Илья Ильич коротко махнул юркой шестерке и тот скрылся. Артист красиво походил вокруг столика, вокруг всесильного, теперь это понятно, мэтра.

— Непостижимо! При первом визите не обращают внимания на тебя, день спустя лично подкатывают к тебе, как к порядочному, в прямом и переносном смысле.

— Подумайте и оцените, — не оглядываясь, сказал Пода.

— Это каждого начинающего, «с улицы», вы так привечаете?

— Вы — исключительный начинающий. Кстати, я все думаю... Вы горды столичной актерской школой некоего Быковца. Но по науке натура человека наполовину складывается до

годовалого возраста, потом, на четверть — до семи или до четырнадцати лет... Где вы сложились такой видный, острый на язык, поющий, пляшущий каждой жилкой, в общем, талантливый?..

— Сие великая загадка есть. До двадцати лет я прожил в захолустье, без реки и леса, даже без садов-огородов, некие Подлиповцы из Решетникова. Ни дворца культуры, ни стадиона и это оказывается благо. Людям изнутри себя приходится извлекать компенсацию всем лишениям. Не гремит радио и телевизор, поем-играем сами, железная дорога в ста двадцати верстах — перемещаемся пехом и с мешками на горбу, не воспитывают профессионалы — дед-бабка при помощи Святого писания выводят в люди. Это куда естественней и надежней. А пахари и пастухи изобретают такие словесные образы, и матерные и поэтичные, что за ними годами охотятся академики, и хорошо живут за их счет. Нищета — большой стимул... Вот только не пойму я, откуда в нас гордыня. Если уж вырвались в столицу, к отесанным и зажитым, то там подай нам всего и сполна, лучше сразу. Плебеи-с, ваше благородие!

Лощенный Пода, от спиртного ли, от собеседника ли, но балдел все больше.

— Все и сразу... зависит от нас самих, — весь расплываясь, бубнил он.

* * *

... В узенькой лачуге университетской общаги, на металлической сетке с тюфяком, взбитом и утрамбованном сотней предшественников, лежала голенькая Эмма. Дарий к ней не пристраивался; все ходил — три шага вперед, три шага назад и вслух прокручивал все, что он пережил и переговорил с Ильей Подом, повторял его тексты и свои реплики. Молодая супруга вслушивалась, шурилась на лампочку без абажура и все больше мрачнела. Дарий понимал предложение директора по-своему, она, как всегда и все, по-своему.

— Он хочет нас осчастливить. — Это Дарий.

— Тебя хочет осчастливить. Я в его планы не вхожу.

— Однако в системе устройства карьеры — «не будешь на диване — не будешь на экране» — ты задействована. Иначе я театру не подхожу. И квартира, тем более, звание и столица — тю-тю!

— Ты пьян, Дарик!

— А ты простушка! Или совсем плюешь на мое будущее. С киностудии сорвала, в Киев через пару лет решила въехать и непременно на белом коне! — Дарик, умные люди в житейских поворотах умеют проявлять гибкость.

— Ну и сгибайся, а мне невтерпеж, мне все охренело!

Не снимая парадной сорочки и тугих трусов, он упал к жене на тесную панцирную кровать, однако демонстративно устроился «валетом», мол, такая ты мне не помощница, а только довесок, и ныне, и присно и вовеки!

* * *

... Утром хорошенькая, причесанная, наглаженная и внутренне переполненная солнышком, Эмма одна сидела в приемной академического театра. Секретарше сказала:

— Я подожду вашего директора.

Та отмолчалась, пять минут спустя, спросила по гарнитурной связи:

— К вам вчерашняя актриса, можно?

— Пригласите, — ответил сытый хозяйский голос.

И вот молодая женщина, чувствуя, как холодеют кисти ее рук, заговорила:

— Илья Ильич, я хорошо подумала и согласна побеседовать с вами о нашем с Дариком творческом будущем. Можно в неофициальной обстановке.

— Сверх ожидания!..

Молодая женщина глотала и не могла проглотить сухую слюну. Не понять, играет она с

огнем или провоцирует. Если так, то действует продуманно и в образе. Следующая реплика — прямо из классика:

— Для меня тоже. Я иду на это впервые...

— И так отчаянно? А если я попрошу вас из кабинета?

— Вам крайне нужен такой артист, как Дарик... ой, Дарий Шалый. Но, как и во всяком учреждении искусств, особенно в наши дни... установлены нормы взаимных отношений. Приходится подчиняться им «через не могу».

— И вы решились побеседовать со мной «на хате»?

— Я сказала все. Не мучайте женщину..

— А как отнесется к вашему шагу супруг?

— Если будет в курсе... а так — никак...

— Если разовый подвиг? А если мне понравится ваша отвага и нам придется кататься на тройке, посещать заведения, в общем, по классике?

— У-у-м...

— Призадумались? Так стоит ли дебютировать?

— Но ведь вы хотите именно этого!

— Нет.

— Вдвойне горько. Ночь не спала, преступила через себя и — афронт...

Тут по слегка припудренной щеке юной женщины поползла слезинка.